

С.Е. Князева

**УРОКИ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА
В КОНТЕКСТЕ РАСПАДА СССР И СФРЮ
(взгляд из прошлого или воспоминание о будущем?)**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию коренных причин и результатов распада Советского Союза и, в меньшей степени, Югославии как моделей реального социализма, поскольку эта модель сложилась в отточенном виде лишь в СССР как итог 70 лет его существования. После завершения социалистического эксперимента в СССР прошло более 30 лет, и тома изданий, посвященных анализу предпосылок, причин и уроков этих событий, заполняют фонды библиотек. Но в научной литературе не нашла достаточного отражения проблема глубинных корней такого явления, как социализм. В фокусе исследования – причины преодоления социализма преимущественно на примере СССР: декларируемый федерализм и крах модели власти, инструментария – системы, известной как социализм, с последней трети XX столетия – реальный социализм. Эти конструкты стали важнейшими триггерами распада СССР и СФРЮ при различиях сложившейся в них ситуации.*

Использование метода системного анализа и историко-генетического метода позволило прийти к выводу, что Советский Союз и социалистическая Югославия являлись унитарными государствами. Проявлением унитарного государства стала 6-я Статья Конституции 1977 г., закрепившая отсутствие субъектности населения. Взаимодействие Центра с руководителями союзных республик и стран Восточной Европы привело после провозглашения России к стремлению сохранить ее лидерские позиции на постсоветском пространстве и в зоне декларируемых интересов СССР, а проявления этнического национализма стали триггером этнополитических конфликтов по периметру не только постсоветского пространства, но и бывшей Югославии.

Значительное внимание уделено анализу трансформаций социализма в СССР и СФРЮ. Автор приходит к выводу, что социализм, в том числе реальный, представлял собой манихейскую модель, совместив несовместимое: власть нового класса и вообразенное общество, предложенное в качестве реальной модели существования. Эти глубинные основы реального социализма стали объектом критики представителей еврокоммунизма начиная с середины 60-х годов, когда он возник, и особенно в 70–80-е годы XX в., в отточенной критике Э. Берлингуэра, а также югославских оппозиционеров.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: распад СССР; распад Югославии; этнический национализм; социализм; реальный социализм; социалистическое содружество; еврокоммунизм; федерализм; новый класс; «воображенное общество».

Князева Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент Факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного Университета (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: lanaknyazeva@yahoo.it
Web of Science Researcher ID: JGD-0575-2023

Knyazeva S.E. The legacy of real socialism in the context of the collapse of the Soviet Union and Socialist Yugoslavia (view from the Past or memories of the Future?)

Abstract. *The article studies the deep-root causes and the results of the collapse of the Soviet Union and, to some extent, Yugoslavia as models of real socialism, since this model developed in a refined form only in the USSR as a result of 70 years of its existence. More than 30 years have passed since the end of socialist experiment in the USSR. Volumes of publications devoted to the analysis of the prerequisites, causes, and lessons of these events could fill library collections. But the problem of the deep roots of such a phenomenon as socialism has not been sufficiently examined in the academic literature. The starting point of this research is to examine reasons for overcoming socialism, mainly based on the example of the USSR: declared federalism and the collapse of power, tools of the system known as socialism or, from the last third of 20th century, real socialism. These very constructs became the most important triggers for the collapse of the USSR and the SFRY, given the serious differences of the countries.*

The method of system analysis and historical-genetic method made possible to come to the conclusion that the Soviet Union and socialist Yugoslavia were unitary states. The focus of the study was to research such manifestation of the unitary state as the Article 6 of the 1977 Constitution, which established a non-subjective state of the population. The interaction of the Center with the leaders of the Union republics and countries of Eastern Europe led after the proclamation of Russia to the desire to maintain its leadership position in the post-Soviet space and in the zone of declared interests of the USSR. It caused many ethnic conflicts manifested along the perimeter of not only the post-Soviet space, but also the former Yugoslavia.

Finally, the author takes a closer look at the transformations of socialism in the USSR and in Yugoslavia. The author concludes that socialism, real socialism was a manichaeian model, combining the incompatible: the power of a new class and an imaginary community proposed as a real model of existence.

It was these deep foundations of real socialism that have become the object of criticism by representatives of Eurocommunism since the mid-60s, when it arose, and especially in the 70s and 80s of 20th century, in sharp criticism of Emrico Berlinguer.

Keywords: *collapse of the USSR; collapse of Yugoslavia; ethnic nationalism; socialism; real socialism; socialist community; eurocommunism; federalism; new class; «imagined society».*

Knyazeva Svetlana Evgenievna – Cand. Of Sci. (History),
Associate Professor, International Relations, Political Sciences
and foreign regional studies Faculty of the Russian State University
for the Humanities. Russia, Moscow.
E-mail: lanaknyazeva@yahoo.it
Web of Science Researcher ID: JGD-0575-2023

Введение

Тридцать лет отделяют нас от конца биполярной эпохи. Вопрос, является ли прошлое «данностью, которую ничто не властно изменить» [Блок 1973, с. 35], правомерен в вероятностном мире XXI в. Ракурс *воспоминания о будущем* показывает: с высоты десятилетий просматриваются исторические параболы, менявшие очертания в зависимости от эволюции ситуации по периметру государств бывшей Югославии и постсоветского пространства¹.

Совокупность предпосылок, непосредственных причин, последствий распада государств социалистического содружества являет собой столь многофакторный феномен, что он уже стал объектом многих сотен томов исследований историков, экономистов, социологов и антропологов, специалистов по политическим наукам. В переплетении этих причин весьма значимым является, на наш взгляд, в первую очередь, следующий комплекс факторов.

Во-первых, он связан с устройством СССР и СФРЮ – с исследованием итогов *нереализованного* федерализма в странах *реального социализма*. Во-вторых, с крахом модели власти, управления, идеологического инструментария – системы, известной как *социализм*, а начиная с последней трети XX столетия – как *реальный* (или *развитой*) *социализм*. Именно эти конструкторы можно указать в качестве важнейших (безусловно, не единственных) предпосылок и факторов распада СССР и СФРЮ при серьезных различиях сложившейся в этих странах ситуации.

1. Парабола как воображаемая историческая конфигурация приобретает различные очертания с учетом коэффициентов (А, В или С), и в зависимости от совокупности обстоятельств ее основание может быть широким, а сама воображаемая геометрическая фигура становится глубокой или мелкой, а то и вообще оказывается перевернутой.

В апреле 1945 г. был подписан «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Югославией, и именно эта страна позиционировалась как первая из государств Восточной Европы, оказавшихся в зоне влияния Советского Союза, а И. Броз Тито еще во время Сопротивления «воспринимался ... как символ русизма (советизма)» [Романенко 2011, с. 409, 420]. В 1948 г. началась эпоха длительного дистанцирования режима Тито от СССР и, как результат, известная автономия в выборе путей строительства социализма по сравнению с другими странами советского блока, несмотря на попытки контролировать действия руководства СФРЮ со стороны брежневского СССР в 70-е – начале 80-х годов [Романенко 2011, с. 680, 735, 693].

Формальный федерализм и формальная субъектность народа

Модель реального социализма сложилась в отточенном, «классическом» виде лишь в СССР как итог 70 лет его существования и нашла воплощение примерно с последней трети XX в. Что касается Югославии, то страна занимала в этот период особое место в системе социализма, хотя в значительной степени воспроизводила данную модель власти в центре и на местах.

Оба государства *декларировали* себя как федеративные: Социалистическая Федеративная Республика Югославия – в официальном названии государства и в тексте Конституции, особенно в тексте Основного Закона 1974 г., где вводились поправки именно в отношении федеративного устройства по сравнению с текстом 1963 г. В Конституции СФРЮ ставилась цель построения социализма на основах *самоуправления* и социалистического *интернационализма*, при господствующем положении рабочего класса, равноправии народов [Конституция 1974] (курсив мой. – С. К.).

В разделе I подчеркивалось, что Социалистическая республика Югославия «есть ... самоуправляемое демократическое содружество трудящихся и граждан, равноправных народов и народностей» [Конституция 1974]. С целью развития самоуправления как основополагающего принципа «социалистической демократии» в Конституцию был внесен ряд уточнений о компетенциях Скупщины [Конституция 1974]. В главе II Основной части (ст. 282) содержалась декларация, что «Скупщина Социалистической Федеративной Республики Югославии является органом общественного самоуправления и высшим органом власти в пределах прав и обязанностей федерации». В развитие *декларируемого* принципа федерализма подчеркивалось, что «глубокие изменения в социалистических производственных отношениях на основах самоуправления, совершенные новой Конституцией, являются основой, ... на которой строятся все остальные изменения общественно-экономической и политической систем» [Конституция 1974].

Советский Союз также декларировал себя федеративным государством, что отражено в названии государствообразующего субъекта Федерации – РСФСР. Положения о государственном устройстве Советского Союза в Конституции 1936 г. свидетельствуют о *формальном* провозглашении на территории СССР широкого (горизонтального) федерализма даже с элементами конфедеративного устройства [Конституция 1936]. Согласно декларации в Конституции 1936 г., «Союз Советских Социалистических Республик есть *социалистическое* (курсив мой. – С. К.) государство рабочих и крестьян» (Глава I, ст. 1.); СССР – «союзное государство, образованное на основе добровольного объединения *равноправных* Советских Социалистических Республик» (Глава II, ст. 13). Далее, «каждая союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР» (Глава II, ст. 16). Указанные положения сохранены практически без изменений и в тексте Конституции 1977 г. [Конституция 1977].

Но ни Советское государство, ни социалистическая Югославия не являлись федеративными – скорее унитарными. РСФСР представлял собой *титულную* республику, а *русские* были (если использовать терминологию американского «классического» федерализма) *титульным этносом*. Проявлением жесткой формы унитарного государства стала 6-я статья последней советской Конституции².

Российский аналитик А.А. Язькова подчеркнула, что субъекты Федерации должны быть облечены правом на автономию, реализованную в соответствии с Основным законом страны со всеми вытекающими правами субъекта Федерации. То есть сообщества должны располагать субъектностью. В такой конструкции федерализм как основополагающая норма демократии может блокировать проявления великодержавности Центра с субъектами Федерации [Язькова 2009]. Также и в тексте Конституции СФРЮ (и в редакции 1974 г., по сравнению с предыдущими) отношения субъектов Федерации с Центром на основе федерализма были определены формально. Отмечалось, что особое внимание следует уделять функционированию «общественно-экономической системы *самоуправления*, коммунальной, скупщинской». Лишь таким образом «обеспечивается осуществление *социалистических* отношений и *самоуправления* в широких сферах человеческой деятельности» [Конституция 1974] (курсив мой. – С. К.).

2. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу» [Конституция 1977].

Изложенное позволяет сделать заключение, что ни в СССР, ни в Югославии [Bianchini 1993, р. 41–42, 44–45], не были на практике реализованы провозглашенные принципы федерализма – территориального, финансового, бюджетного или договорного. Взаимодействие Москвы с руководителями республик и стран Восточной Европы) складывалось на основе директив, спускаемых в регионы из Центра, и на основе дотационных квот и привилегий отдельных республик и автономий.

Конструирование социально-политической идентичности в условиях реального социализма

Этнический национализм блокирует федерализм в формировании федеративного государства. Население многонационального СССР и Югославии не могло примириться с осознанием себя только «советскими» людьми или «югославами», а не «эстонцами» или «словенцами», «македонцами» или «грузинами».

В СССР происходила «смена акцентов» в конструировании искусственной – *советской* – социально-политической идентичности³ [Торбаков 2001, с. 426–430], т.е. в ее социально-политическом варианте. Так возникла интернациональная *советская* (курсив мой. – С. К.) идентичность» [Торбаков 2001, с. 394]. Все народы СССР формально обладали наднациональной советской и региональной идентичностью, но русский (советский) народ фактически оставался «руководящей силой ... в семье советских наций» [БOFFA 1994, с. 292–294, Бранденбергер 2022, с. 182–184].

Так же точно народы социалистической Югославии не испытывали энтузиазма от особого статуса и роли, которую фактически играла Сербия в стране [Bianchini 1993, р. 35–40]. Вопросу о «великодержавном сербском национализме», обострившемся еще в конце 1960-х годов в связи с ситуацией в Косове и затем в Хорватии, уделяет внимание эксперт Н.Б. Городецкая, поставив вопрос-альтернативу в статье с красноречивым названием ««Сербы» или «югославы»...». Автор приходит к выводу, что, в сущности, после «неудачи титовского эксперимента по внедрению «югославской нации» этот термин понимался не как национальная, а как наднациональная общность» [Городецкая 2017, с. 64–67]. А итальянский эксперт С. Бьянкини приводит данные, в соответствии с которыми «югославами» называли себя в 1971 г. 1,3% и даже спустя десять лет – не более 5,4% населения страны [Bianchini 1993, р. 38].

3. Речь идет о навязывании искусственной социально-политической идентичности [Торбаков 2001, с. 392–393, 407–409]).

Ограниченный суверенитет и реальный социализм

Великодержавность СССР нашла воплощение в доктрине ограниченного суверенитета, заложенной в основу брежневской стратегии в отношении стран социалистического содружества⁴. Но реально эта доктрина стала осуществляться задолго до ее официального провозглашения, что просматривается в конкретных формах осуществления привилегированных интересов Советского Союза еще в 50-е и особенно с середины 60-х годов.

П. Тольятти, лидер Итальянской компартии – самой крупной, влиятельной и массовой партии несоциалистической части мира, ставший основателем идеологии еврокоммунизма после написания в августе 1964 г. своей «Памятной Записки» [Князева 2018, с. 63–64, Князева 2019], с начала 1960-х годов заострил внимание на процессах, к тому времени уже обнаружившихся внутри социалистической системы – в особенности, на угрозы цепной реакции в проявлениях нездоровых форм национализма в самых ее недрах [Togliatti 1964, р. 1–2]. Еще в 1960 г. Тольятти осудил «любые формы вмешательства в деятельность коммунистических партий» [Тольятти 1960, с. 13, 79], а в «Памятной записке» (август 1964 г.) он обратил внимание на кризис коммунистического движения, подчеркнув, что лидеры компартий должны «исходить из позиций XX съезда» [Тольятти 1964, с. 3]. Лидер ИКП выделил «командный тон Кремля с “братскими” компартиями», недопустимость «вмешательства во внутренние дела суверенных стран ...» [Тольятти 1964, с. 3, Berlinguer 2017, р. 61–62, 77], осудил практику построения социализма *под* копирку. Объектом критики стали не «отдельные искажения» (как подчеркивал лидер ИКП в середине 50-х годов), но глубинные основы социализма, что позволяет усмотреть в оценках лидера ИКП скольжение в направлении еврокоммунизма [Князева 2018, с. 58–75, Князева 2019]. А новый лидер итальянской компартии Э. Берлингуэр развил эту критику в более жестких терминах уже в первой половине 1970-х годов [Berlinguer 1975, р. 568–574].

Безусловно, это в меньшей степени относилось к СФРЮ. Как отмечает С. Бьянкини, Югославия, в отличие от Албании, Румынии или Болгарии, отличалась «гораздо большей открытостью и динамизмом отношений в социальной сфере» [Bianchini 1993, р. 15]: известная автономия и стремление

4. Доктрина ограниченного суверенитета (Доктрина Брежнева) принята после публикации в «Правде» 26 сентября 1968 г. официального текста (за подписью С. Ковалева) «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран», чьи положения Л.И. Брежнев озвучивал неоднократно с этого момента и позднее [Брежнев 1973, с. 79–80]. Но Руководство КПСС и СССР следовало этим принципам с середины 50-х годов в практике взаимодействия со странами социалистического содружества [Брежнев 1973, с. 468].

социалистической Югославии к *самоуправляемому* социализму получили импульс благодаря ее участию в Движении неприсоединения, в числе основательниц которой страна оказалась еще до его официального образования в 1961 г.

Искажения и рецидивы реального социализма: споры о субъектности

Душу советской перестройки обнажили развернувшиеся в конце 1980-х годов дискуссии о сути великодержавности. Огромную роль в преодолении подобных *искажений и рецидивов* (как данные явления квалифицировались в конце 80-х годов) [Восхождение к... 1989, с. 1] сыграла отточенно непримиримая позиция советской интеллигенции – социальной *прослойки* (так ее маркировали в СССР). Эти *искажения* стали триггерами этнополитических и межнациональных конфликтов по периметру СССР и Югославии.

После распада СССР итогом нереализованного федерализма стало стремление к сохранению лидерских позиций РФ на постсоветском пространстве и в зоне привилегированных интересов СССР, когда форматы взаимодействия союзного центра с главами союзных республик и стран Восточной Европы были воспроизведены в пространстве бывшего СССР. Поэтому с падением Берлинской стены страны Старой Восточной Европы взяли курс на возвращение в Европу. Летом 1990 г. государства – члены НАТО и ОВД перестали воспринимать друг друга как стратегических противников [Вишеградская Европа 2010, с. 196, 198].

Эффект домино обозначил после создания новых национальных государств на постсоветском пространстве и по периметру распавшейся Югославии «болевы́е точки» как проявление стремления народов к созданию суверенных государств. В процессе распада СФРЮ на ее бывшей территории разгорелись этнополитические конфликты, вылившиеся в войны в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине [Романенко 2011, с. 783–785, 796, Bianchini 1993, р. 53–55] и Косово [Bianchini 1993, р. 239–240]. Начавшийся в 1991 г. процесс преодоления наследия Советского Союза не спровоцировал немедленной реакции, как на территории бывшей Югославии, но сегодня его отложенный эффект по периметру постсоветского пространства очевиден.

Воображенное сообщество и муки мифотворчества эпигонов Маркса

Анализ перестроечных дискуссий в СССР показывает: советские люди проходили важный этап самоидентификации, начинали осознавать значимость альтернативных программ и выборов, необходимость *демифологизации* идеологических постулатов – мифов о *развитом* социализме [Иванова 1989,

с. 8]. Представители советской оппозиции преисполнялись убеждением: «социализма с человеческим лицом»⁵ не существует.

В социалистической Югославии попытки обновления (на уровне деклараций) были сделаны в 1974 г.: указывалось на важность развития «представительно-посреднической демократии» в форме самоуправления и делегатской системы, равно как и преодоления пропасти между народом и государством. А в ходе XI съезда СКЮ (1978) обозначился дрейф в направлении коммунистических идей западного образца [Романенко 2011, с. 717, 968]. Но роль *третьей силы* в Европе и мире с конца 1970-х годов взяли две западноевропейские компартии – ИКП и ИСП – такая позиция СКЮ свидетельствует о начале дрейфа СКЮ к еврокоммунизму [Князева 2018, с. 71–74].

В свете изложенного важно исследовать экспертную позицию известного историка, одного из лидеров Межрегиональной депутатской группы, чья максима об «агрессивно-послушном большинстве» [Афанасьев 1989] вошла в мировую историю. Ю.Н. Афанасьев привел систему доказательств, в соответствии с которой «сутью ментального основания российского жизнеустройства был консервативный традиционализм», построенный на слабом развитии политической культуры населения. С учетом этого строили советскую модель создатели Советского Союза [Афанасьев 2015, Восленский 1991, с. 584–592], которая копировалась (не всегда в полном объеме) в странах *реального* социализма. Так элитам СССР удалось использовать стереотипы сознания населения, чтобы «игнорировать остававшуюся у его части способность рационально воспринимать происходящее» [Афанасьев 2015, с. 23–25, Авторханов 1988, с. 9]. Паттерном политической культуры значимой части общества стало имперское чувство как итог ресентимента после отторжения новшеств западной политической культуры [Афанасьев 2015]. Роль традиционализма и консервативной политической культуры населения в создании мифологии в СССР и большинстве социалистических стран, включая Югославию, разделяет итальянский эксперт С. Бьянкини [Bianchini 1993, p. 43, 272].

Так конструировалось то, что Э. Хобсбаум назвал *изобретенной традицией* [The invention 2003, p. 3], а И. Торбаков – *воображенным сообществом* [Торбаков 2001, с. 396]: «систематические фальсификации советской действительности, наделение ее чертами идеального общества» [Scott 1953, p. 184],

5. Речь идет о поражении Пражской весны и ее руководителей А. Дубчека, О. Черника, Й. Смирковского, З. Млынаржа – автора воспоминаний «Мороз ударил из Кремля» [Млынарж 1992]. Идея «социализма с человеческим лицом» стала подвергаться сомнению к концу 1980-х, и получила новое звучание в распространившейся в начале 1970-х годов брошюре польского оппозиционера Л. Колаковского «Может ли быть крокодил с человеческим лицом?». Исходя из данной максимы, Колаковский подверг реальный социализм как идеологию и как политическую модель жесткой критике.

подмена понятий и создание формы «социально-политической» религии. Этим объясняется пропаганда атеизма [Scott 1953, p. 201–204] и сакрализованное государство как высшая святыня [Восленский 1991, с. 579, Scott 1953, p. 204].

Реальный Новый класс как феномен реального социализма

Милован Джилас исследовал анатомию *нового класса* у власти и *неизбежность* его появления при социализме [Джилас 1992, с. 537]. Номенклатура стала важнейшим каркасом социализма, породив «иерархию чинов и социальных барьеров» [Восленский 1991, с. 34, 332]. Но к выводу о неизбежности появления *нового класса* еще до М. Джиласа приходит Э.М. Скотт, подчеркивая, что «диктатура пролетариата» стала ...диктатурой коммунистической партии» [Scott 1953, p. 142].

М. Джилас квалифицировал номенклатуру как «бюрократический сорняк» партаппаратчиков, хозяйственных и административных чиновников, ставших порождением *развитого* или *реального* – главное, *никогда* не *осуществленного социализма* или *коммунизма* (данные понятия сливались в оценках), от имени которого номенклатура находится у власти [Джилас 1992, с. 509, 537, Bianchini 1993, p. 300–302]. Особое внимание обращает оценка М. Джиласом склонности номенклатуры к собственной исключительности и уничтожению социальных лифтов [Джилас 1992, с. 278].

Слова *социализм*, *коммунизм* обладают магнетизмом, адресуя к «высшим принципам разума, гуманизма, справедливости...» [Серджи 1991, с. 19, Джилас 1992, с. 163]. Социализм способен привлекать как мечта о светлом будущем – эмоциональная составляющая учения наполняла жизненной силой, хотя декларируемый социализм и его высшая ступень, коммунизм являлись *средством* и самоцелью его строителей – и достижением идеала в настоящем.

Но данное явление должно было искусственно поддерживаться мифотворчеством и силовыми методами в силу его нежизнеспособности. Вероятно, отсюда неопределенность и размытость, заложенная в семантике термина «социализм», что побуждает исследователя уточнять – «*реальный*», «*развитой*» социализм.

Социализм не содержит минимально необходимых черт, которые должны быть присущи любому явлению, – значит, речь идет о софизме, подмене понятия, лежащего в основе явления. Но «если найти точку зрения, с которой он виден как непротиворечивое явление» [Scott 1953, p. 55, 59, 161], то *реальный* социализм как модель власти представляет собой, во-первых, господство *нового класса* номенклатуры как правящего класса, а во-вторых, версию социально-политической религии с чертами манихейства.

Лозунги социализма воздействует не на логику, а на эмоции населения, транслируя заряд моральной силы, вдохновляя большие массы людей. Моральная сила действует на подсознание и инстинкты в экстремальном режиме, заставляя идти на финальную историческую битву *ради* этих идей. Коллективная воля направлена на завоевание великих идеалов ценой смерти огромного количества людей. Так объясняется популярность вождя, культовой фигуры, вызывающей ужас, обожание, экстаз, хилизм веры – он способен вести за собой массы. М. Джилас отметил, что вождь ставит «знак равенства между идеей и собственной властью», так он «отождествляет себя с идеей и режимом» [Джилас 1992, с. 157].

Эсхатологическое сознание доминирует в большой массе населения как форма *религиозного* экстаза, переполняющего людей в ожидании *конца веков* как финала человеческой истории по достижении абсолютной справедливости и счастья – как «опасная загадка социализма» [Джилас 1992, с. 374, Восленский 1991, с. 572]. Но «загадка» становится понятной, если вспомнить учение марксизма об *отмирании государства* при коммунизме. Э.М. Скотт маркировал социализм (и коммунизм) как «великую иллюзию нашего времени» [Scott 1953, p. 205]. А М. Джилас расшифровал «опасную загадку» так: «...идея *построения* любого общества, тем паче *бесконфликтного* является далеким от рациональности мифотворчеством» [Джилас 1992, с. 157] (курсив мой. – С. К.).

Изложенное относится (в крайних проявлениях) к модели социализма, осуществленной в СССР в 20–40-е годы XX в., когда произошла, по дефиниции одного из экспертов эпохи перестройки, «варваризация» коммунизма [Чурбанов 1991, с. 8–9]. Поэтому обозначать с учетом сказанного реалии социалистической Югославии, а в период *развитого* застоя в СССР не всегда представляется возможным. Как отмечает С. Бьянкини, в силу «особенностей и различий югославского социализма, выявившихся после 1965 г.» [Bianchini 1993, p. 282], «социализм» претерпел изменения⁶.

В январе 1982 г. еврокоммунист Э. Берлингуэр осудил коммунистическую идеологию как модель «манихейского восприятия мирового порядка, манихейской идеологии и манихейства в политике» [Berlinguer 1982, p. 8], а *реальный* социализм – как «глубоко ошибочный» [Berlinguer 1975, p. 568–574], как «исторический тупик». Лидер ИКП подчеркнул, что, хотя трудно «отрицать или недооценивать непреходящее значение Октябрьской революции ... для человечества», на новом этапе «... Октябрь полностью утратил свой побудительный заряд» [Berlinguer 1982, p. 8].

6. Возникли его версии «развитой социализм», «реальный социализм», хотя на уровне государственной идеологии верность идеалам Маркса-Энгельса-Ленина декларировалась в обязательном порядке.

Заключение

Хотя распад социализма отдельные эксперты по политическим наукам и экономисты предрекали с 1983–1984 гг., осень 1991 г. стала неожиданностью и для них. Правда, итоги референдума о будущем СССР (март 1991 г.) внушали оптимизм сторонникам сохранения СССР – 76,4% проголосовали за сохранение Советского Союза [Формула распада 2016]. Но исследование сущности реализованного в Советском Союзе социализма, особенно рассматриваемого в социокультурной и антропологической оптике, показывает: *реальный* социализм есть апория и одновременно софизм, совмещающая в себе такие несовместимые явления, как власть номенклатуры, с одной стороны, и *воображенное сообщество*, предложенное населению в качестве реальной модели существования – с другой. А населению СФРЮ был навязан достроенный вариант советского социализма, развитый его политическими лидерами, в особенности И. Броз Тито, в соответствии с доктриной марксизма-ленинизма и с его собственными амбициозными планами.

В последний год СССР дискуссии о судьбах социализма стали фактором повседневности. Советское «чувство локтя» от вынужденного проживания в огромной коммунальной квартире, именуемой СССР, по которому пожилые россияне испытывают ностальгию, стало очевидным самообманом.

В заключение хочется обратить внимание на размышления о судьбах *Шестидесятников* – лучших представителей советской интеллигенции, хранителей культуры страны на вираже исторической параболы в конце пути СССР. В. Чурбанов озвучил следующую идею о судьбе интеллигенции: «В пене августовской революции ... рождается новая волна демократов – ультралибералов...». Может случиться, что «зубы новых демократов окажутся крепче, чем у “стариков”», когда «снова гуляет топор переименования» [Чурбанов 1991, с. 9–10]. На эту мысль мало кто обратил внимание в бурном 1991-м. Но такова судьба интеллектуалов в постмодернистских реалиях наших дней.

Библиография

Авторханов А.Г. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-verlag, 1988. 425 с.

Афанасьев Ю.Н. Речь на 1 Съезде народных депутатов СССР // AGITCLUB.RU 1989. URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/sten42.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

Афанасьев Ю.Н. Соотношение времени и пространства в перспективе *longue durée* истории Руси/России/СССР/России (Фрагмент) // Livejournal. 2015 URL: <https://mysliwiec.livejournal.com/2333926.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е.М. Лысенко; прим. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. 236 с.

Борха Дж. История Советского Союза: 2 т. М.: Международные отношения, 1994. Т. 2. 632 с.

Бранденбергер Д., Тихонов В.В., Фокин А.А., Баранов А.В. «Советская нация» vs «советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности. Дискуссия. Новое прошлое // The New Past. 2022. № 4. С. 176–220.

Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и Советского государства : речи и статьи. М.: Издательство политической литературы, 1973. 600 с.

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010. 568 с.

Восленский М.С. Номенклатура. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.

Восхождение к народовластию: редакционная статья // Огонек. 1989. № 11 (3216). С. 1.

Городецкая Н.Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2 (22), июль–декабрь. С. 63–76.

Джилас М. Лицо тоталитаризма: Новый класс / пер. с сербо-хорватского. М.: Новости, 1992. 544 с.

Иванова Н. Поиски «происков» // Огонек. 1989. № 11 (3216). С. 8.

Князева С.Е. Забытое письмо с Холодной войны: политическое завещание итальянского коммуниста // РАБКРИН. 2019. 30.06. URL: <https://rabkrin.org/knyazeva-s-e-zabytoe-pismo-s-holodnoj-vojny-politicheskoe-zaveshhanie-italyanskogo-kommunista-statya/> (дата обращения: 11.01.2023).

Князева С.Е. Становление еврокоммунизма в Италии // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 58–75.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. 5 декабря 1936 года // Исторический факультет МГУ им. Ломоносова: офиц. сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 10.01.2023).

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. 7 октября 1977 г. // Исторический факультет МГУ им. Ломоносова: офиц. сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 10.01.2023).

Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. 21 февраля 1974 г. // Sovetika.ru: сайт. URL: <https://www.sovetika.ru/sfrj/konstpred.htm> (дата обращения: 07.02.2024).

Млынарж З. Мороз ударил из Кремля / пер. С.И. Разуван. М.: Республика, 1992. 288 с.

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.

Серджи С. Интервью Московского корреспондента газеты Unità Серджо Серджи (беседует Л. Сальникова): Коммунист в стране большевиков // Огонек. 1991 № 17 (3327), 20–27 апреля. С. 19.

Тольятти П. За демократическое обновление итальянского общества, за продвижение к социализму. Доклад на IX съезде ИКП 30 января 1960 года / ред. пер. Ф. Вейнберг. М.: Госполитиздат, 1960. 135 с.

Торбаков И. Осколки Разбитого Вдребезги: Историческое Поражение Имперского Проекта // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 391–435.

Формула распада: 25 лет назад советские граждане на референдуме решали судьбу СССР. Специальный проект // ТАСС: офиц. сайт. 2016. URL: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> (дата обращения: 12.01.2023).

Чурбанов В. Выше августа // Огонек. 1991. № 42 (3352). С. 8–9.

Язькова А.А. Несвоевременные заметки о федерализме. Теория и практика федерализма: международный опыт // Вестник Европы. 2009. № 26. С. 66–77.

Berlinguer E. La «questione» comunista. 1969–1974. A cura di Antonio Tatò. Roma: Editori Riuniti, 1975. 975 p.

Berlinguer E. La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase di lotta per il socialismo in Italia e in Europa // L'Unità. 1982. 12.01. P. 8.

Berlinguer E. Per un nuovo grande compromesso storico. Introduzione di Fabio Vander. Roma: Castelgandolfo, 2017. 89 p.

Bianchini S. Sarajevo le radici dell'odio. Identità e destino dei popoli balcanici. Roma : Edizioni Associate, 1993. 352 p.

Scott A.M. Anatomia del comunismo. The anatomy of communism. (Trad. dall' inglese da V.E. Biolchi). Roma : Jandi Sapi Editori, 1953. 239 p.

The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 320 p.

References

Afanas'ev Yu.N. Rech' na 1 S"ezde narodnykh deputatov SSSR [Speech at the 1st Congress of People's Deputies of the USSR]. AGITCLUB.RU 1989. URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/sten42.htm> (date of access: 12.01.2023). (In Russ.)

Afanas'ev Yu.N. Sootnoshenie vremeni i prostranstva v perspektive longue durée istorii Rusi/Rossii/SSSR/Rossii (Fragment, str. 23–25) [The relationship between time and space in the perspective of the longue durée of the history of Rus'/Russia/USSR/Russia (Fragment)]. Livejournal. 2015. URL: <https://mysliwiec.livejournal.com/2333926.html> (date of access: 12.01.2023). (In Russ.)

Avtorkhanov A.G. Imperiia Kremliia. Sovetskii tip kolonializma [Empire of the Kremlin. Soviet type of colonialism.]. Garmisch-Partenkirchen : Prometheus-verlag, 1988. 425 p. (In Russ.)

Berlinguer E. La «questione» comunista. 1969–1974. A cura di Antonio Tatò. Roma: Editori Riuniti, 1975. 975 p.

Berlinguer E. La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase di lotta per il socialismo in Italia e in Europa. L'Unità. 1982. 12.01. P. 8.

Berlinguer E. Per un nuovo grande compromesso storico. Introduzione di Fabio Vander. Roma: Castelgandolfo, 2017. 89 p.

Bianchini S. Sarajevo le radici dell'odio. Identità e destino dei popoli balcanici. Roma : Edizioni Associate, 1993. 352 p.

Blok M. Apologiya istorii, ili remeslo istorika [Apology of history, or the craft of a historian]. Trans. E.M. Lysenko; not. A.Ia. Gurevicha. Moscow: Nauka, 1973. 236 p. (In Russ.)

Boffa D. Istoriia Sovetskogo Soiuza [History of the Soviet Union]: 2 vol. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1994. T. 2. 632 p. (In Russ.)

Brandenberger D., Tikhonov V.V., Fokin A.A., Baranov A.V. «Sovetskaia natsiia» vs «sovetskii narod»: k voprosu o problematizatsii nadnatsional'noi identichnosti. Diskussii. Novoe proshloe [«Soviet nation» vs «Soviet people»: on the issue of problematizing supranational identity. Discussion. New Past]. The New Past. 2022. N 4. P. 176–220. (In Russ.)

Brezhnev L.I. O vneshnei politike KPSS i Sovetskogo gosudarstva: rechi i stat'i [On the foreign policy of the CPSU and the Soviet state: speeches and articles.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. 600 p. (In Russ.)

Churbanov V. Vyshe avgusta [Above August]. Ogonek. 1991. N 42 (3352). P. 8–9. (In Russ.)

Djilas M. Litso totalitarizma: Novyi klass [The face of totalitarianism: New class]. Trans. from Serbo-Croatian. Moscow: Novosti, 1992. 544 p. (In Russ.)

Formula raspada: 25 let nazad sovetskie grazhdane na referendumeshali sud'bu SSSR. Spetsial'nyi proekt [The formula for collapse: 25 years ago, Soviet citizens decided the fate of the USSR in a referendum. Special project]. TASS: official. website. 2016. URL: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> (date of access: 12.01.2023). (In Russ.)

Gorodetskaya N.B. «Serby» ili «jugoslavy»: k voprosu o natsional'nom samoopredelenii v sotsialisticheskoi Iugoslavii [«Serbs» or «Yugoslavs»: on the question of national self-determination in socialist Yugoslavia]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. N 2 (22), July–December. P. 63–76. (In Russ.)

Ivanova N. Poiski «proiskov» [Searches for «intrigues»]. *Ogonek*. 1989. N 11 (3216). P. 8. (In Russ.)

Knyazeva S.E. Stanovlenie evrokommunizma v Italii [The formation of Eurocommunism in Italy]. *Novaia i noveishaia istoriia* [New and recent history]. 2018. N 5. P. 58–75. (In Russ.)

Knyazeva S.E. Zabytoe pis'mo s Kholodnoi voiny: politicheskoe zaveshchaniye ital'ianskogo kommunisty [A forgotten letter from the Cold War: the political testament of an Italian communist]. *RABKRIN*. 2019.30.06. URL: <https://rabkrin.org/knyazeva-s-e-zabytoe-pismo-s-holodnoj-voyny-politicheskoe-zaveshchaniye-italyanskogo-kommunisty-statya/> (date of access: 11.01.2023). (In Russ.)

Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. 5 dekabria 1936 goda [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. December 5, 1936]. *Istoricheskii fakul'tet MGU im. Lomonosova* [Faculty of History of Moscow State University. Lomonosov]: official. website. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (date of access: 10.01.2023). (In Russ.)

Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. 7 oktiabria 1977 g. [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. October 7, 1977]. *Istoricheskii fakul'tet MGU im. Lomonosova* [Faculty of History of Moscow State University. Lomonosov]: official. website. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (date of access: 10.01.2023). (In Russ.)

Konstitutsiia Sotsialisticheskoi Federativnoi Respubliki Iugoslaviia. 21 fevralia 1974 g. [Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. February 21, 1974]. *Sovetika.ru*: website. URL: <https://www.sovetika.ru/sfrj/konstpred.htm> (date of access: 07.02.2024). (In Russ.)

Mlynarzh Z. Moroz udaril iz Kremliia [Moroz struck from the Kremlin]. trans. S.I. Razuvan'. Moscow: Respublika, 1992. 288 p. (In Russ.)

Romanenko S.A. Mezhdue «proletarskim internatsionalizmom» i «slavianskim bratstvom». Rossiisko-iugoslavskie otnosheniia v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo KhKh veka – 1991 god) [Between «proletarian internationalism» and «Slavic brotherhood». Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe (beginning of the twentieth century – 1991)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 1024 p. (In Russ.)

Scott A.M. Anatomia del comunismo. The anatomy of communism. (Trad. dall'inglese da V.E. Biolchi). Roma: Jandi Sapi Editori, 1953. 239 p.

The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 320 p.,

Serdzhi S. Interv'yuu Moskovskogo korrespondenta gazety Unità Serdzhio Serdzhio (beseduet L. Sal'nikova): Kommunist v strane bol'shevikov. [Interview with the Moscow correspondent of the Unità newspaper Sergio Sergi (interviewed by L. Salnikova): A communist in the Bolshevik's country]. *Ogonek*. 1991 N 17 (3327), 20 – April 27. P. 19. (In Russ.)

Tolyatti P. Za demokraticeskoe obnoveniye ital'ianskogo obshchestva, za prodvizheniye k sotsializmu. Doklad na IX s"ezde IKP 30 ianvaria 1960 goda [For the democratic renewal of Italian

society, for progress towards socialism. Report at the IX Congress of the ICP on January 30, 1960. Ed. of trans. by F. Weinberg]. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 135 p. (In Russ.)

Torbakov I. Oskolki Razbitogo Vdrebezgi: Istoricheskoe Porazhenie Imperskogo Proekta [Fragments of the Shattered to Pieces: The Historical Defeat of the Imperial Project]. Ab Imperio. 2001. N 4. P. 391–435. (In Russ.)

Vishegradskaia Evropa: otkuda i kuda? Dva desiatiletiia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chekhii [Visegrad Europe: from where and where? Two decades along the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic]. Ed. by L.N. Shishelinoi. Moscow: Ves' Mir, 2010. 568 p. (In Russ.)

Voskhozhdenie k narodovlastii: redaktsionnaia stat'ia [Ascent to democracy: editorial article]. Ogonek. 1989. N 11 (3216). P. 1. (In Russ.)

Voslensky M.S. Nomenklatura [Nomenclature]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1991. 624 s. (In Russ.)

Yazkova A.A. Nesvoevremennye zametki o federalizme. Teoriia i praktika federalizma: mezhdunarodnyi opyt [Untimely Notes on Federalism. Theory and practice of federalism: international experience]. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 2009. N 26. P. 66–77. (In Russ.)